

6. *Экология* человека. – М., 1997. – С. 175.
7. *Яницкий, О. Н.* Экологическое движение в России. Критический анализ. – М., 1996. – С. 155–162.
8. *Ясвин, В. А.* Региональная экологическая политика. Формирование экологической культуры / под ред. В. М. Захарова. – М. : ЦЭПР, 2001. – 66 с.

ПОЛИТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И КОНФЛИКТОВ В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ РЕГИОНЕ¹

М.С. Топчиев
(Россия, г. Астрахань)

Ключевые слова: конфессиональная политика, государственно-конфессиональные отношения, поликонфессиональный регион, конфликты, модели государственно-конфессиональных отношений.

Key words: confessional policy, state-confessional relations, polyconfessional region, conflicts, models of state-confessional relations.

Сфера конфессиональных отношений в поликонфессиональном регионе, имеющем пограничный статус чрезвычайно сложна и деликатна. Не менее проблемными являются попытки государственного регулирования этих отношений. Они подчас подвергаются резкой критике со стороны отечественных и зарубежных исследователей. «В сущности, политика российского государства в религиозной сфере, – пишет К. Русселе, – не более последовательна, чем в других сферах. Такая политика – результат не столько целостного и продуманного видения, сколько соглашений между политическими и религиозными элитами. Это политика договоренностей ради краткосрочных интересов, далекая от принятия «светскости» как продуманного и системного принципа» [18, с. 175]

Проблемы проявляются как на общегосударственном, так и на региональном уровне. Сложности начинаются с теоретического формулирования категориального аппарата. В отечественной науке отсутствует общепризнанное обозначение самих отношений между государством и религиозными организациями. Существует несколько вариантов обозначения этих отношений: государственно-религиозные отношения, государственно-церковные отношения и государственно-конфессиональные отношения [6].

Ни один из этих терминов не является общепринятым в силу целого ряда причин. Некорректность первого термина – в объединении понятий разного уровня: религия – понятие мировоззренческое, тогда как государство относится скорее к системе социального управления. Понятие государственно церковных отношений логически более корректно, поскольку и государство, и церковь – институты. Однако этот термин употребляется по отношению к христианству, а в России под церковью подразумевается в основном православие. В силу этого, остальные религиозные объединения как бы остаются вне этой сферы. Наиболее общеупотребимым, хотя тоже не вполне корректным, является термин «государственно-конфессиональные отношения», поскольку конфессия обозначает прежде всего религиозное направление. Именно его мы и будем употреблять. Под государственно-конфессиональными отношениями мы будем понимать достаточно сложную систему взаимоотношений государственных органов с целой совокупностью религиозных институтов (религиоз-

¹ Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» по проекту «Создание системы разрешения этнополитических конфликтов и формирования культуры политической толерантности в стратегически важном полиэтническом пространстве Южного Федерального Округа».

ных объединений, религиозных движений, центров и т.д.), представляющих собой не только традиционно существующие на данной территории объединения, но и новообразования в виде так называемых нетрадиционных культов.

Еще одна проблема, связанная с выстраиванием этих отношений на государственном уровне, касается отсутствия общепринятой концепции этих отношений. В 2002–2003 гг. была предпринята попытка создать такую концепцию в качестве инициативной разработки, однако она не была принята как общегосударственная.

В различных государствах исторически выстраивались различные модели таких отношений. Наиболее общепринятыми являются сепарационная, кооперационная, идентификационная модели.

При сепарационной модели религиозные организации отделены от государства и системы сотрудничества не предусматривается. Однако государство оставляет за собой контроль за всей законодательной сферой, связанной с религиозными организациями. Такая модель действует в США, Франции, Нидерландах.

Кооперационная модель взаимоотношений государства с религиозными объединениями предполагает систему сотрудничества, кооперации государства и религиозных организаций. В рамках данной модели считается, что сотрудничество создает более оптимальные каналы регулирования этих отношений посредством проникновения.

Кооперационная модель предполагает две разновидности – с созданием специализированного государственного органа управления (структурная кооперационная модель) и без его создания (функциональная кооперационная модель). Она сводится к тому, что каждый государственный орган в подведомственной ему сфере может самостоятельно осуществлять управление отношениями государства с религиозными объединениями. Условие достижения поставленной цели – реальная работа уполномоченных государственных органов и их должностных лиц, развитие институтов гражданского общества. Суть функциональной модели – в распределении функций между чиновниками властных структур. В качестве более слабого варианта кооперационной модели некоторые правоведы предлагают координационную модель [16, с. 45].

Идентификационная модель, построенная на отождествлении государства и религиозного института, действует в Дании, Англии, Греции, Швеции, Финляндии, Норвегии, а также почти в 30 мусульманских странах (Бахрейн, Иран, Иордания, Марокко, Пакистан и др.).

В Англии и скандинавских странах Реформация породила явление утвердившейся (господствующей, государственной, официальной) церкви. В Финляндии их две – Лютеранская и Православная. Статус церкви определен законом. При монархии король или королева являются также и главой Церкви. Со времен Просвещения и главным образом с тех пор, как вступила в силу Европейская конвенция, развитие шло двумя путями: подчиненность государству заменялась автономией, а привилегированное положение – равенством всех религиозных объединений. Греческая Церковь пользуется привилегированным положением и статусом Корпорации государственного права. Другим православным Церквям на территории Греции предоставлены те же блага [13, с. 4].

Существуют и другие классификации моделей отношений государства и религиозных организаций. Например, А.В. Логинов выделяет «клерикальную», «протекционистскую», «либеральную» и «атеистическую» модели конфессионально-государственных отношений. При этом «клерикальной» модели, существовавшей на территории Российского государства наиболее длительное время (с X по начало XX в.), с его точки зрения соответствуют три периода: древний, патриарший и синодальный [12, с. 32].

Приемлемая модель государственно-конфессиональных отношений в РФ должна представлять собой систему, базирующуюся на ценностях, безусловно признаваемых и уважаемых всеми цивилизованными государствами. Этими ценностями являются гарантированные государством свобода совести и свобода вероисповедания, право не только исповедовать индивидуально или совместно с другими любую рели-

гию, но и свободно выбирать и менять ее, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними [10, с. 28].

На современном этапе наше государство находится скорее в рамках сепарационной модели, нежели какой-либо другой. Причем некоторые исследователи считают, что это наиболее жесткая сепарационная модель [4, с. 151]. Однако, наличие сепарационной модели, и ее законодательное закрепление, гарантирует только некий минимум равноправия. А дальше начинается собственно политическая сфера.

Последние несколько лет в среде исследователей государственно-конфессиональной политики идут дискуссии о статусе так называемых «традиционных религий». Понятие «традиционные религии» стало «общепринятым способом структурирования религиозной политики и правовых дискуссий, смысл которых вертелся, прежде всего, вокруг сохранения для традиционных религий определенных привилегий «на рынке религиозных услуг» [1, с. 220–221].

Сепарационная модель, как считают некоторые исследователи, не мешает оказывать целый ряд преференций, прежде всего для РПЦ [4, с. 157]. Некоторые исследователи, такие как А. Щипков неоднократно и настойчиво предлагают перейти от сепарационной модели к кооперационной, основанной на системе договоров государства с религиозными организациями [21, с. 162].

К сожалению, в России до сих пор отсутствует внятно сформулированная концепция этих государственно-конфессиональных отношений, в связи с чем характер взаимоотношений государства и религиозных организаций во многом спонтанен, и формируется под влиянием сиюминутных политических интересов, когда отдельные политические деятели пытаются использовать религиозный фактор для решения своих личностных, конъюнктурных либо групповых интересов.

До сих пор отсутствует постоянный межконфессиональный диалог между отдельными конфессиями и деноминациями, вследствие канонических различий и установок.

Официальными федеральными структурами предпринимались регулярные попытки активизировать межконфессиональный диалог, однако они зачастую носили бессистемный характер. Встречи руководства страны с лидерами религиозных организаций проходили эпизодически и носили, как правило, выборочный характер.

В реально проводимой государственной конфессиональной политике регионального характера наличествует также целый ряд проблем. Дело в том, что во второй половине 1990-х гг. более чем в 40 регионах вышли локальные нормативные документы в сфере свободы совести. Они негласно представляли некоторые преимущества так называемым традиционным религиям. В Воронежской области закон «О защите детства, материнства и отцовства» ввел в правовой оборот понятие «культурообразующие религиозные организации» [7, с. 207]. В целой серии региональных актов 1990-х гг. об ограничении миссионерской деятельности, преимущество отдается традиционным религиям. Более того, в 1999 г. в Белгороде был принят акт на ограничение в регионе миссионерской деятельности любых конфессий кроме РПЦ, в 2004 г. такой же акт был принят в Курской области [7, с. 208]. К этому можно добавить приоритет православной конфессии в информационной политике ведущих телеканалов, попытки введения преподавания православной культуры в школах и ВУЗах и др.

Если в моноконфессиональных регионах центральной России (Белгородская, Курская, Псковская области и т.д.) такая практика не вызывала широкого народного недовольства, то в исторически сложившихся поликонфессиональных регионах такая позиция была бы весьма проблематичной. Так, в Астраханской области 28 июня 2001 г. было принято постановление № 328 «Об упорядочении деятельности представителей иногородних и иностранных религиозных миссий». В нем нет никаких преференций традиционным религиям. В качестве ограничений можно рассматривать обязательное приглашение проповедника уже зарегистрировавшейся общиной, проповедническую деятельность в стенах культового места. «Местные религиозные организации, – говорится в положении, – в обязательном порядке уведомляют органы исполнительной власти Астраханской области о прибытии иногородних и иностранных религи-

озных проповедников, миссий и сопровождающих их лиц не позднее чем за один месяц до их прибытия, с предоставлением:

- программы их пребывания;
- регистрационного свидетельства или документа, удостоверяющего принадлежность иногородних или иностранных религиозных проповедников (миссий) к той или иной религиозной организации у себя в регионе или в стране;
- основ вероучения пребывающих проповедников, миссий (см. Постановление «Об упорядочении деятельности представителей иногородних и иностранных религиозных миссий» от 28.06.2001 г. № 328).

Пребывание и деятельность проповедников не должны входить в противоречие с Федеральным законом «О свободе совести и религиозных объединениях».

Все принимаемые постановления в области конфессиональных отношений в регионах должны обязательно учитывать специфику региона. Так, Астраханская область является исторически сложившимся поликультурным образованием, в котором на протяжении нескольких веков формировался треугольник мировых религий – христианство (во всех трех конфессиях с доминированием православия), ислам и буддизм. На конец XIX в. по данным статистического губернского комитета в Астраханском крае проживало: 66 % христиан, (в том числе православные, католики, протестанты, православные сектанты); 25 % буддистов; 8 % мусульман [9, с. 64]. В регионе, где изначально не было автохтонного этноса, где перемешались восточная и западная культуры, полиэтничность и поликонфессиональность стали нормой существования, поэтому на протяжении нескольких веков христианские храмы соседствовали с мечетями и с хурами.

Позиция администрации Губернатора и Правительства Астраханской области в сфере государственно-конфессиональных отношений базируется на четком осознании того, что соблюдение действующего Российского законодательства является обязательным для всех верующих и конфессий, действующих в пределах территории области, что власть не должна осуществлять политику протекционизма по отношению к той или иной конфессии, что представители всех вероучений должны пользоваться одинаковыми правами и нести одинаковую ответственность перед Законом, что необходимо уважать религиозные чувства верующих и не допускать проявлений религиозной нетерпимости и вражды.

Выверенное и сбалансированное управление в поликонфессиональном регионе, как является Астраханская область, невозможно без соблюдения вышеуказанных условий. Без них невозможно завоевать доверие населения к органам государственной власти, и обеспечить тем самым дальнейшую позитивную динамику развития региона.

В последней трети двадцатого столетия в связи с распадом СССР и изменением миграционных потоков конфессиональный расклад изменился. По данным этнографов В. Викторина и Э. Идрисова, в Астраханской области на начало XXI в. христиан – 30 %; мусульман – 25 %, буддистов – 1 %, неверующих – 40 %. [5]. Однако православие традиционно является самой распространенной конфессией на территории региона. Дату основания Астраханско-Енотаевской епархии традиционно относят к 1602 г. [2, с. 4; 8, с. 32; 12, с. 2; 20, с. 22], хотя известный исследователь Астрахани М. Рыбушкин относил ее основание 1589 г., когда в Астрахань, в сане архиепископа, по назначению царя Бориса Федоровича Годунова, прибыл Феодосий, «с наименованием Архиепископом Астраханским и Терским» [19, с. 23]. В последние годы Астраханско-Енотаевская епархия значительно активизировала свою деятельность, как на ниве благотворительности, так и на ниве социальной работы, что позволило православию занять доминирующую позицию в религиозно-духовной жизни области и продолжить деятельность по консолидации общества.

Традиционной для территории области религией является ислам и занимает второе место после Астраханско-Енотаевской епархии по числу прихожан и верующих. Астраханское региональное духовное управление мусульман (АРДУМ), структурно входит в состав Центрального духовного управления мусульман России и проводит в области политику укрепления дружеских и партнерских связей с лидерами и

активом других конфессий, что немало способствует поддержанию имиджа ислама, как религии мира и добрососедства.

После выделения Калмыкии в самостоятельную республику доля буддийского населения в конфессиональной структуре Астраханской области резко снизилась, а доля мусульман увеличилась. Такое изменение в пропорциях представляет проблему в силу того, что увеличение мусульманского населения произошло не из-за естественного прироста местного населения исповедующего ислам, а в силу миграционных процессов, увеличивших прежде всего приток населения с Северного Кавказа.

Традиционно мусульманское население Астраханской области представляли собой татары, а потом казахи. За последние 10–15 лет, вследствие неконтролируемой миграции из регионов Северного Кавказа, Закавказья, а также из Среднеазиатских республик на территории области были созданы этнические сообщества, члены которых, помимо этнической, представляют собой ярко выраженную религиозную общность. Начиная с 2004 г. в Астраханской области появились, так называемые «этнические мечети» – «дагестанская» мечеть № 3, (состав общины мечети № 3 исторически входил в астраханскую умму, однако, в следствии миграционных процессов трансформировался) «азербайджанская» мечеть № 38, «чеченская» мечеть в п. Мошаик г. Астрахани и т.д. Интеграция в астраханскую умму «позднепереселенцев» идет чрезвычайно вяло и можно говорить об определенной диаспоризации ислама в Астрахани.

В области идет достаточно активный процесс формирования этноконфессиональных групп населения и активизации движения за конфессиональную самоидентификацию населения, как показатель степени влияния той или иной конфессии. В силу этого происходит сближение национального и религиозного факторов, как способ оказания определенного давления на органы государственной власти со стороны отдельных религиозных объединений. Имеет место столкновение интересов и противостояние различных конфессий, и, прежде всего, в среде евангелических и протестантских объединений, на миссионерском поле региона

Как мы уже указывали выше, в регионе есть некоторые тенденции «диаспоризации» ислама, заключающиеся в стремлении к обособленности отдельных лидеров мусульман, а также в попытках использовать ислам, как религиозную доктрину для достижения собственных целей в межконфессиональных отношениях.

Несмотря на то, что доля буддистов в процентном соотношении верующих в области резко снизилась, деятельность традиционных буддистских организаций по-прежнему вызывает интерес. Как религия, буддизм в основном традиционно исповедуется в районах компактного проживания этнических калмыков (территория Лиманского и Харабалинского районов). Однако централизованной организации у астраханских буддистов нет. Есть две самостоятельных общины в указанных районах. В силу этого действия этих общин несогласованны и между ними отсутствует каноническое общение.

При условии, что Астраханская область на данный момент является пограничным регионом по территории Каспийского моря с очень специфической геополитической ситуацией, конфессиональная политика должна учитывать все эти факторы. Этому немало способствует наличие Этноконфессионального совета при Губернаторе Астраханской области, деятельность которого направлена, прежде всего, на укрепление межконфессионального и межнационального согласия в области и выработку подходов для реализации основных направлений государственно-конфессиональной политики в регионе.

Библиографический список

1. *Агаджанян, А.* Частная и публичная религия в России: индивидуализация и возвращение великого мифа / А. Агаджанян // Религия и светское государство. Принципы *laissez-faire* в мире и Евразии / под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. – М. : Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве, 2008. – С. 217–240.

2. **Благодаров, М.** Архиереи Астраханской епархии за 300 лет ее существования с 1602 до 1902 / М. Благодаров. – Астрахань, 1902. – С. 4.
3. **Бурьянов, С. А.** Государственно-конфессиональные отношения и тенденции трансформации законодательства о свободе совести / С. А. Бурьянов, С. А. Мозговой // Юридический мир. – 2001. – Дек.
4. **Верховский, Александр.** Конституционно-правовые основы светскости в России и споры вокруг ее интерпретации / Александр Верховский // Религия и светское государство. Принцип *laisite* в мире и Евразии / под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. – М. : Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве, 2008.
5. **Викторин, В.** «Астраханский мир»: прежние и новые грани межэтнического единства и сотрудничества / В. Викторин, Э. Идрисов // Астраханские известия. – 2004. – № 5.
6. **Государственно-церковные** отношения в России : в 2 т. – М., 1995.
7. **Жеребятнев, Михаил.** Понимание принципа светскости в регионах / Михаил Жеребятнев // Религия и светское государство. Принцип *laisite* в мире и Евразии / под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. – М. : Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве, 2008.
8. **Каменский, Н.** Краткая история Астраханской епархии / Н. Каменский. – Астрахань, 1886. – С. 39.
9. **Карабущенко, П. Л.** Астрахань XXI век: социокультурная регионалистика / П. Л. Карабущенко, А. П. Романова, Р. Х. Усманов и др. – Астрахань, 2007. – С. 64.
10. **Конституция** Российской Федерации. – М., 2005. – Ст. 28.
11. **Логинов, А. В.** Проблемы разработки современной концепции государственно-конфессиональных отношений в Российской Федерации / А. В. Логинов // Государство и религиозные объединения : материалы научно-практической конференции. – М., 2002. – С. 32.
12. **Матвеев, С.** Епархия астраханская и терская / С. Матвеев // Журнал министерства народного просвещения. – 1842. – Ч. 34, отд. 2. – С. 2.
13. **Международная** амнистия. – М., 1998. – № 11. – С. 4.
14. **Мирошникова, Е. М.** Сравнительный анализ государственно-церковных отношений и гражданская религия в Германии и России / Е. М. Мирошникова // Религиоведение. – 2001. – № 2.
15. **Резниченко, О. В.** Государственно-конфессиональная политика в современной России: Теория и практика : дис. ... канд. полит. наук / О. В. Резниченко. – М., 2004.
16. **Религия** и право. – М., 1988. – № 1–2 (4–5). – С. 45.
17. **Религия**, свобода совести, государственно-церковные отношения в России. – М., 1997.
18. **Русселе, Кати.** Принцип светскости в России. Столкновение норм и ценностей. Религия и светское государство. Принцип *laisite* в мире и Евразии / К. Русселе / под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. – М. : Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук в Москве, 2008. – С. 175.
19. **Рыбушкин, М.** Записки об Астрахани / М. Рыбушкин. – Астрахань, 1841. – С. 23
20. **Саввинский, И.** Исторические записки об Астраханской епархии / И. Саввинский. – Астрахань, 1903. – С. 22.
21. **Щипков, А.** Регулирование государственно-церковных отношений. К симфонии через партнерство / А. Щипков // Религия и СМИ. – 2003. – 7 окт.